

СВЕРХЧЕЛОВЕК - В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЛИЧИНЕ.

Николай Константинович Рерих, каким я себе представляю его.

Посвящается Е. И. Рерих.

"...Русский художник - эмигрант является признанным в Старом и Новом Свете учителем мудрой, прекрасной жизни, духовным вождем миллионов людей - без различия стран, наций, религий!"

А.С.

Россия была всегда богата талантами. Нет такой отрасли, в науке и искусстве, которая не имела бы своих многочисленных представителей. И в то же время ни одна страна не относится так индифферентно к своим талантам, как Россия. Даже о таких корифеях, как Пушкин, Достоевский и Лев Толстой, мы стали узнавать только в самое последнее время, да и то совсем не в главном, наиболее существенном плане, как бы это следовало. Отчасти потому это происходит, что, как уже сказал я, мы богаты свыше меры талантами,, следовательно не любопытны к ним; отчасти потому, что все архивы находятся в руках людей, для которых прошлый мир не является предыдущей главой к нынешнему /"мы новый мир построим"..., следовательно действительного отражения прошлых эпох и их представителей, не может иметь места. И мне горько и обидно, что, например, во Франции о Мистрале и Фабре написано больше книг /и каких чудесных книг!..., чем у нас о Гоголе и Мечникове.

А между тем ,у нас никогда не переводились титаны мысли и духа. Самым последним среди них и единственным во всех родах ,является известный художник, учений, писатель и общественный деятель Николай Константинович Рерих, о котором мы кое что знаем только потому, что им в особой мере занялась Америка и потому уже с ее легкой руки - весь остальной мир. Об Н.К. Рерихе издано уже несколько книг и все они носят вполне заслуженный, правдиво восто^рженный характер, но, к сожалению, нет в этих книгах простоты, нет повседневности, нет того тихаго, как бы подводного солнца, которым дышат наши человеческие будни. Все больше в этих книгах - вершины, до которых и в воображении не добраться, а хочется не воскрес-

ногого дня, а хотя бы клочка понедельника, с его суровым, предработным раздумьем, с его творческим одиночеством, без музыки, цветов и гостей, без всего этого яркого фейерверка выставок и конгрессов.

Не обладая должной простотой, авторы этих книг не дают нам образа "домашнего" Рериха.

Попробую изобразить его таким, - но изобразить не на основании личного близкаго знакомства, а - каким представляю себе, основываясь на работах самого Рериха.

2.

"...В каждой жизни так много замечательного, светлого, необычного" ... /Н.К. Рерих/... в особенности в жизни Николая Константиновича. Я вижу его за мольбертом. Просторная комната, светлая. В большие квадратные окна полными пригоршнями золота льется осенний свет, отражаясь на изразцах голландской печи и на лиловых астрах в глазированных горшках.

Тишина. Только, пожалуй, тишина особенная, т.к. из дальних комнат, через ряд затворенных дверей, едва доносятся звуки рояля. Слышится нежная, лирическая песнь любви, удивительная по красоте и глубине "Елка" - Ребикова.

Вот, жил такой Диккенсовский чудак, но странной фамилией Ребиков, наш, весь наш, российский музыкант, композитор, не мало написавший чудесных вещей, но как то не с'умевший выплыть из глубин одиночества на поверхность общей жизни, ни кем не примеченный и не привеченный, из всего творчества которого кое кем услышана только "Елка".

Николай Константинович работает. Он пишет вечереющую воду канала, которая блестит за окнами старой бронзой.

Родные, тихия руки перебирают клавиши. И эти матово-золотые блики, и свежие блюдца осенней эмали. Податрадостных тонах. Канал расцвечивается флагами. Всюду виднеются белоснежные плюсенные чепцы и темные бархатные береты. В город в'езжает Рембрандт.

... Николай Константинович улыбается. Жадно припадает к чашке холодного кофе. Здесь, в этой атмосфере тишины и покоя, в полном одиночестве, он выполняет

свое назначение.

Далекия Джунгли Сиккима... Легкий ветер колышет деревья и высокие травы. Голову кружит от благоухания невиданных цветов. И над всем этим раем - высокие снежные горы.

Медленно подвигается караван путников. Впереди, всегда впереди - седой, плотный европеец невысокого роста, в больших очках - консервах. Николая Константиновича прельщает Индия, прельщают Гиммалаи. Вся особенность этого необычно-огромного края, все великолепие этих массивов, единящих Небо и Землю, всегда сильно и животворно влияли на художника, освобождая его от пут больших городов, с их продымленными небоскребами и удушающим запахом разогретого асфальта и каменной пыли.

Да, все здесь влечет неутомимого скитающегося: и красота бронзовых сиккимцев, с венками на головах и корзинами танжеринов за плечами; и густое индиго неба на закате дня; и ниспадающие со скал водопады - в радуге водной пыли; и веселые стаи перекликающихся обезьян. - Невольно вспоминаются полотна несравненного Гогена и живые строчки дневников Миклуки-Маклая: вспоминается Пьер Лоти, к старомодному языку которого так приятно прислушиваться.

Хороши эти дорожные будни, как хороша и работа за мольбертом, в какой либо зальце, выходящей на один из Роттердамских каналов. Эти будни Сиккима - не большая палатка, свеча и книга, какие то голоса не то по сторонам, не то вверху.. А выйдешь - звезды, точно лампады, чуть покачиваются в черном небе. Легкий костюм, но и он тяготит плечи. Тепло, но не душно, и так благоухающее, будто в магазине тончайших духов. Все это - Сикким: дорога, записная книжка, листы дневника, палитры в ярких пятнах наложенных красок на складном столе - целые груды минералов, изделий из кожи, пучки цветов и трав. Здесь передвижная лаборатория художника и ученого, писателя и философа, человека - новейшей формации, но с древней душой землепроходца. - Здесь - обнажение тайн творчества, вдали от любопытных глаз. Здесь, в этой атмосфере тишины и покоя, в полном одиночестве, он ху-

должник и ученый, выполняет свое назначение: творить...

Глубокая ночь. Но Нью-Йоркская улица не ведает ночи, вся она - светится и гремит тысячью автомобилей, не знающих покоя. Однако в кабинете Николая Константиновича - абсолютная тишина, - Наглоухо затворены окна и прикрыты толстыми шторами. Кипящая жизнь - где то глубоко внизу, во вне. Здесь же, книги и раздумье. Большой рабочий стол завален рукописями и книгами. Много книг на полках. По стенам - этюды.

Николай Константинович за работой. Его волнует хрупкость нашей жизни, наших отношений друг с другом, взаимоотношения государств стран, континентов. Боже, как все непрочно!.. Человечество не выходит из страшной орбиты войн и революций, когда гибнут ценнейшие произведения культуры, не повторимые в веках. Страшно за эту эфемерность жизни, за непрочность всего сущего. Не обходимо что то предпринять, в чем то успеть, не смотря на загруженность дней и часов. Но если дни отданы изобразительному творчеству и книгам, ведь есть же еще ночи, в которые можно многое сделать. Крепость организма у Н. К. поразительна, выносливость прямо несказанная. Когда же сон?... Четыре - пять часов, совсем как в наших монастырях, который он так любил писать в первую половину своей жизни. Это ничто иное, как результат духовной насыщенности, духовной вознесенности, горения сердца. И часты за часом, день за днем возникают видения грандиозных организаций Института об'единенных искусств, Пакта Мира.. Круговая порука - в деле охраны произведений искусства от военного вандализма /вспоминаются невольно все разрушения, вроде Рейнского собора, причиненные Европейской войной/, от революционного вандализма /российская и испанская революции/. Текут безсонные часы, бегут, спешат - в необычайном напряжении , и уж вот он - проект готов... Исписаны груды бумаги. За окнами светает. Скоро можно уже поднять шторы и погасить электричество. Утомленное лицо ищет прохлады... Воспаленный мозг видит вперед на десятки лет. Здесь, в этой атмосфере ночного бдения, он, ученый и общественный устроитель выполняет свое назначение: творит....

3.

"...Оборачиваться к жизнеописанию Рериха это значит иметь перед собой бесконечный ряд реальных и неоспоримых созидаательных фактов".

5
/Алатас"/.

Такова жизнь Н. К. Рериха, жизнь столь богатая, что могла бы создать десятку лиц прочную славу. Н.К. мог бы быть только художником, только ученым - исследователем культуры только писателем и философом, он мог бы быть только общественным деятелем и во всех этих случаях был бы признан и должным образом возведен, как звезда первой величины. Подобная разносторонняя одаренность встречается весьма редко. Ею в большой мере обладал Леонардо да Винчи. Пожалуй, Наполеон. Еще два-три столпа мировой культуры. Не так уж их много.

Поэтому, нужно особенно беречь этот дар Божий, быть ближе к нему, не оставлять без должного внимания ни одной черточки, подмеченной и запечатлившейся в нашем сознании. Н. К. Рерих - не сегодняшний день, вернее, - не только сегодняшний день; он вошел в эпоху, в век, в историю эпох и веков. А история требовательна. Она как никто умеет из жизненных мелочей создавать образ, схожий с оригиналом.. Поэтому пренебрегать мелочами нельзя. Нам нужны не только стенографические отчеты выставок и конгрессов нам необходимо также знать, КАК живет и творит великий человек: вдали от толпы, от венков, от славы...

Александр Дехтерев.

Октябрь, 1935г.

Ладомирова, Пряшевск. Русь.